

зачем есть общество в том виде, в котором он его видит вокруг, зачем в обществе та или иная группа людей – человеку гораздо легче определиться, через свое отношение к другим понять, зачем он сам существует.

В последнее время люди нечасто задумываются над смыслом своей жизни, считая это бесполезным занятием и пустой тратой времени. Люди настолько увязли в быту, что убрали из своей жизни самое главное – смысл и цель. Проблема смысла жизни многогранна и не имеет однозначного разрешения, поэтому нет не только однозначного и единогласно принимаемого ответа на вопрос о наличии в жизни смысла, но и ответа на вопрос, в чём же может быть такой смысл. У каждого человека свои цели в жизни. Для кого-то это просто покупка новой мебели, а кому-то нужна квартира и машина. А кто-то вовсе считает, что в жизни нет и быть не может никакого смысла. Сколько людей, столько и мнений!

Лично автор считаем, что искать смысл жизни – это всё равно что спрашивать, есть ли на Земле любовь, дружба, верность: если ты любишь и тебя любят – конечно есть, если нет – то и любви никакой нет. Есть ли смысл жизни? Ну, конечно же, нет, если мы его вовремя не найдём. Великий физик Альберт Эйнштейн однажды сказал: «Стремитесь не к тому, чтобы добиться успеха, а к тому, что бы ваша жизнь имела смысл».

Примечания

1. Кант И. Соч. В 6 т. – М, 1966: – Т.5.
2. Камю А. Из философской этики; Вопросы литературы, 1980, № 2.

С. Н. Некрасов

д. ф. н., профессор

г. Екатеринбург, УрФУ им. Б. Н. Ельцина

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ АППАРАТЫ ГОСУДАРСТВА ПРИ ПЕРЕХОДЕ ОТ ИНДУСТРИАЛЬНОГО К ИНФОРМАЦИОННОМУ ОБЩЕСТВУ

Передача молодым поколениям накопленного обществом культурного богатства представляет собой необходимое условие прогресса человечества. Этот механизм аккультурации древен, как

само человечество. Но если в традиционном обществе передача культурного наследия происходила естественным путем без каких-либо специально созданных структур в совместной трудовой деятельности, игре и посредством имитации поведения авторитета, то с усложнением общественной и социокультурной динамики, при возникновении противоречия между сознанием и культурой образование становится важной самостоятельной сферой общественной жизни. Отцовские функции общины и семьи в области аккультурации стали передаваться в условиях промышленной революции школе. Образ человека стал формироваться на фабрике и в рабочем доме, в доме умалишенных и в тюрьме, иных пенитенциарных учреждениях. Это открытие было сделано не только М. Фуко в ряде фундаментальных работ, но и отдельными специалистами в области здравоохранения, юриспруденции, психиатрии.

Машинное производство требовало от значительной части работающих все большего объема общих и профессиональных знаний, а государство и промышленники начали финансировать развитие массового образования. Очевидно, что XIX в. стал эпохой развития систем массового образования, что отразилось в первую очередь в художественной литературе. В конце столетия окончательно структурно оформилась массовая система образования, сложились ведущие звенья и типы учебных заведений западной техногенной цивилизации – начальная, неполная средняя, полная средняя, профессиональная, высшая школа. Эта структура перешла в III тысячелетие. Заметим, что образовательная система сложилась под влиянием требований экономического базиса и основных политических сил Нового времени. Это значит, что гуманистические цели не ставились в качестве ядра деятельности учебных заведений, а задача формирования нравственных качеств уступала задаче подготовки к трудовой деятельности и формированию мировоззрения частичного индивида-функции в духе идеологии пришедших к власти классов и социальных групп. В итоге образование как самостоятельная подсистема общества получило одностороннюю ориентацию на воспроизводство существующего социально-экономического порядка.

Само образование как «Школа жизни» стало социальным аппаратом, реализующим отцовские функции, соответствующим структуре и характеру индустриального производства. Так,

французский социолог П. Бурдьё в ходе «социоанализа» приходит к выводу: «Философия истории, которая запечатлена в самой обыденной практике повседневного языка и которая стремится к тому, чтобы слова, обозначающие институты и коллективы – Государство, Буржуазия, Патронат, Церковь, Семья, правосудие, Школа – конституировались в исторические субъекты, способные формулировать и реализовывать собственные цели («Государство – буржуазное – решает...», «Школа – капиталистическая – исключает...», «Церковь Франции борется...» и т.д.), находит свое высшее воплощение в понятии Аппарата (устройства) с большой буквы, вновь вошедшим сегодня в моду в так называемых «концептуальных» речах. В качестве механического исполнителя исторической целесообразности Deus (Diabolis) in machina «Аппарат» эта – в зависимости от идеологического настроя – божественная или адская машина, этот функционализм наилучшего или наихудшего толка, предрасположен к функционированию как Deus ex machina, «пристанище для незнания», конечная причина, способная – причем с наименьшими затратами – все оправдать, ничего не объясняя: следуя этой логике, являющейся не чем иным, как логикой мифологии, великие аллегорические образы доминирования не могут не вызвать в противовес себе лишь другие мифические персонификации, такие, как Рабочий класс, Пролетариат, Трудящиеся или даже Борьба – олицетворение Социального движения и его мстительного гнева» [1. С. 265-266].

Автор называет описанную модель версией теологической философии истории, не столь далекую от выражения морального негодования по поводу того, что «все это неслучайно», поскольку здесь агенты социальных отношений низводятся до роли исполнителей, жертв или соучастников политики, запечатленной в сущности аппаратов, когда существование выводится из сущности, а знания из поведения аппарата.

В результате традиционная система образования стала аппаратной – она собрала все черты, характерные для производственной сферы и социального устройства. Речь идет о жесткости организации и управления, отсутствии сущностной связи между структурными единицами и их узкой функциональностью, возрастных, половых, социальных, физических ограничений для продвижения в образовательной системе, а также тупиковых направлений в обучении. Важно заметить, что система образования

не имела звеньев, которые не представляли практического интереса для промышленной сферы, в частности, отсутствовали дошкольная ступень и образование для пожилых людей, а учебные заведения для работающих взрослых ограничивались исключительно профессиональной подготовкой. Все это значит, что отцовское управление, которое взяло на себя государство, имело дело только с подготовкой кадров из детей и молодежи.

Из сказанного следует, что содержание воспитательных процессов в образовательной системе индустриального общества сводилось к запоминанию и воспроизведению учебного материала, что составляло суть обучения, но не давало образования. Основным мотивом к учебе была конкуренция среди учащихся, основанная на системе экзаменов и наказаний. Понятно, что в такой образовательной системе не были задействованы факторы, идущие от природы человека и его запросов, психологических особенностей личности. Переход к постиндустриальной стадии развития цивилизации во второй половине XX века в развитых странах Запада уничтожил традиционные представления о жизненных ценностях и будущем человечества. Разрыв между сложившейся системой образования и новыми условиями жизни вызвал кризис системы и потребовал ее реорганизации. Ярko выделились факторы, вызвавшие потребность в таких переменах и объясняющие сложившиеся вскоре основные парадигмы образования взрослых.

Так, усложнение и развитие динамики труда привело к тому, что работники все чаще имеют дело со сложными процессами, требующими интеллектуальных усилий и обработки информации. Уже в середине 1980-х гг. в развитых странах мира от 70 до 90% занятых в производстве должны были иметь образовательную подготовку на уровне среднего или высшего образования, в результате чего человеку приходится на протяжении трудовой жизни несколько раз переквалифицироваться и непрерывно пополнять знания. Таким образом, налицо устойчивая тенденция, определяющая потребность в такой системе образования, которая обеспечивала бы способность легко адаптироваться к быстро меняющимся условиям жизни и производства.

Другим фактором, вызывающим к жизни новую образовательную систему, становится ориентация на новую модель развития. Речь идет об эффективности и окупаемости вложений в «человеческий капитал», который приносит больший доход и

обладает большим экономическим эффектом, нежели капитал в его физической форме (постоянный и переменный капитал). Оказывается, более половины годового прироста валового национального продукта определяется инвестициями в «человеческий фактор» и, в первую очередь, в образование. Эта теория «человеческого фактора» поразила воображение финансистов и оказала сильное воздействие на государственную образовательную политику в области модернизации системы образования и обеспечения рынка труда квалифицированной рабочей силой. Однако доставшееся западной цивилизации от метафизического материализма XVIII в. узкое понимание человека как «гомо экономикус» не позволяло долгое время сформировать новую модель развития, которая нацелена уже на удовлетворение индивидуальных духовных и интеллектуальных запросов человека.

Окончательным условием производства как жизни нации является воспроизводство условий производства. Оно может быть «простым» (воспроизводство только условий предшествующего производства) или «расширенным»: такова в широком смысле функция отцовства.

Что же такое воспроизводство условий производства? Полагая, что всякая общественная формация зависит от господствующего способа производства, скажем, что в процессе производства производительные силы используются внутри определенных производственных отношений и в зависимости от них. Следовательно, любая общественная формация, чтобы существовать, должна одновременно с производством и в его целях воспроизводить условия своего производства. Таким образом, нация должна создавать производительные силы и существующие производственные отношения.

Как это воспроизводство квалификации рабочей силы обеспечивается в индустриальном обществе? В отличие от того, что происходит в традиционном обществе, здесь имеет тенденцию обеспечение не «на ходу» (обучение в процессе самого производства), но все дальше от производства (посредством школьной системы и иных инстанций и институтов). Одни люди занимаются больше, другие меньше, но все выучиваются читать, писать, считать. Помимо этого, обычно изучают некоторые технические дисциплины и иные предметы, включая элементы «литературной» или «научной культуры», которые прямо

используются на различных участках производства (одно обучение для рабочих, другое для техников, третье для инженеров и четвертое для руководящих кадров). Таким образом, обретаются «умения и навыки».

Но одновременно и в связи с этими техническими предметами в школе приобретаются правила поведения (или адекватная линия поведения), которые должен соблюдать индивид в условиях социального и технологического разделения труда в соответствии с занимаемым им местом. Это правила морали, гражданского и профессионального сознания – то, что является правилами уважения к разделению труда и, в конечном счете, правилами порядка господствующего класса. В школе также учатся хорошо говорить, правильно писать, а на самом деле – хорошо командовать, и в идеале, умело говорить с рабочими.

Для воспроизводства рабочей силы требуется не только воспроизводство ее квалификации, но в то же время воспроизводство ее подчинения правилам установленного порядка или воспроизводство подчинения рабочих господствующей идеологии и воспроизводство способности манипулировать господствующей идеологией, чтобы обеспечить власть господствующего класса, прежде всего, с помощью слов.

Другими словами, школа (так же, как и другие институты государства, вроде церкви, или иные аппараты, вроде армии) обучает «умениям и навыкам», но в формах, обеспечивающих подчинение господствующей идеологии или подчинение ее практике. Все агенты производства, не говоря уже о профессиональных идеологах, должны в различной степени быть пронизанными этой идеологией, чтобы обрести осознание собственной задачи, будь то пролетарии или капиталисты, или помощники по менеджменту (администрация), или номенклатура господствующей идеологии (функционеры). Воспроизводство рабочей силы оказывается условием не просто воспроизводства ее «квалификации», но также воспроизводства ее подчинения господствующей идеологии или практике этой идеологии.

Нам представляется, что необходимо развивать теорию государства, необходимо учитывать не только различие между государственной властью и государственным аппаратом, но также и другую реальность, проявляющуюся рядом с государственным (репрессивным) аппаратом, но не смешивающуюся с ним. Эту

реальность обозначим как «идеологические аппараты государства» (ИАГ, вслед за структуралистом Л. Альтюсером [2]). Их не следует смешивать с государственным (репрессивным) аппаратом.

Согласно марксистской теории, в государственный аппарат (ГА) входят: правительство, администрация, армия, полиция, суды, тюрьмы и т.д. – все то, что является репрессивным аппаратом. Слово «репрессивный» указывает, что рассматриваемый государственный аппарат функционирует посредством насилия (ибо репрессия, административная, например, может облекаться в нефизические формы).

Назовем государственными идеологическими аппаратами (точнее, ИАГ) определенное число социальных реальностей, которые непосредственно предстают перед наблюдателями в форме дифференцированных и специализированных институтов: религиозный ИАГ (система различных церквей); образовательный (система различных публичных и частных «школ»); семейный; юридический; политический (политическая система с различными партиями); профсоюзный; информационный (пресса, радио, телевидение и т.д.); культурный (литература, изобразительное искусство, спорт и т. д.).

ИАГ нельзя смешивать с государственным аппаратом подавления. Различие их трудноуловимо, но все же оно есть. Во-первых, в то время как существует один государственный аппарат (подавления), государственных идеологических аппаратов существует множество. Во-вторых, в то время как объединенный госаппарат (подавления) целиком принадлежит публичной сфере, большая часть идеологических аппаратов относится к частной сфере. Частными являются церкви, партии, профсоюзы, семьи, некоторые школы, большинство газет, культурных предприятий. Но по какому праву мы можем считать идеологическими аппаратами государства те институты, большинство которых не обладает никаким общественным статусом, но является просто частными институтами?!

Основное различие между государственными аппаратами (подавления) и ИАГ заключается в следующем: госаппарат (подавления) функционирует посредством насилия, в то время как государственные идеологические аппараты функционируют посредством идеологии. Действительно, любой государственный аппарат, будь то аппарат насилия или идеологический аппарат, функционирует одновременно посредством насилия и посредством

идеологии, но с очень важным различием, не позволяющим путать государственные идеологические аппараты с государственным аппаратом (подавления). Это различие состоит в том, что, с одной стороны, государственный аппарат (подавления) функционирует преимущественно через подавление, хотя, с другой стороны, он функционирует посредством идеологии, и потому в обществе не существует чисто репрессивного аппарата. Так, армия и полиция функционируют также через идеологию как для обеспечения их собственной согласованности и воспроизводства, так и ради ценностей, которые ими предлагаются вовне.

Нам представляется, что идеологический аппарат государства, занявший господствующее положение в зрелом индустриальном обществе в результате борьбы против старого, является образовательным идеологическим аппаратом. Кажется, что господствующей в индустриальном обществе является не школа, а политический государственный идеологический аппарат – парламентское демократическое правление, к которому добавляется всеобщее избирательное право и борьба партий. Однако история европейских стран показывает, что буржуазия может приспособиться к различным политическим идеологическим аппаратам государства парламентской демократии.

За игрой политического государственного идеологического аппарата, занимающего авансцену, скрывалось то, что буржуазия использует как аппарат № 1, т.е. господствующий образовательный аппарат, заместивший по своим функциям прежний – церковь. Можно добавить: «школа – семья» заменила пару «церковь – семья».

Почему в индустриальном обществе образовательный аппарат стал господствующим, и это господство становится абсолютным в информационном обществе? И как функционирует в новых условиях этот аппарат?

1. Все государственные идеологические аппараты, какими бы они ни были, приходят к одному и тому же результату – воспроизводству производственных отношений;

2. Каждый из аппаратов приходит к единому результату своим путем. Политический аппарат подчиняет индивидов политической идеологии государства – демократической, представительной (парламентской) или прямой (плебисцитарной или фашистской). Аппарат информации снабжает граждан с помощью прессы, радио, телевидения ежедневными дозами национализма, шовинизма,

либерализма, морализма, потребительства, эгоизма и т. д. То же относится к культурному аппарату. Религиозный аппарат выполняет свою роль, напоминая на проповедях и на других церемониях (по случаю рождения, брака и смерти), что человек – лишь прах, пока он не научится любить своих братьев так, чтобы подставить другую щеку, если ударят по одной. Семейный аппарат занят тем же;

3. Весь концерт аппаратов объединен единой партитурой, нарушаемой противоречиями и использующими великие темы гуманизма и величия прошлого, темы сочетания частного и общего интереса в форме национализма, морализма, экономизма;

4. При всём при том лишь один государственный идеологический аппарат играет господствующую роль – школа. Школа собирает детей различных общественных классов с детского сада и в течение долгих лет, когда ребенок, зажатый между семейным и школьным государственными аппаратами, наиболее восприимчив. «Навыки» вводятся ему в голову в упакованном в господствующую идеологию виде (язык, арифметика, естествознание, история, литература), или же просто вбивается господствующая идеология в чистом виде (мораль, гражданское право, философия). Примерно к шестнадцати годам огромная масса детей попадает на производство: они становятся рабочими или предпринимателями, крестьянами. Другая часть молодежи продолжает обучение: старается сделать карьеру и занять место в рядах младшего или среднего персонала в сфере управления, в рядах младших и средних функционеров, мелких предпринимателей.

Примечания

1. Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993.
2. Althusser L. Ideologie et appareils ideologiques d'Etat (Notes pour une recherche) // Positions. Paris-Editions sociales, 1982.

А. Ф. Нигматуллин
УрГУ им. А. М. Горького

ИСТОРИЧЕСКАЯ ШКОЛА В ИЗУЧЕНИИ ЕВАНГЕЛИЙ

В Новое время возникла наука, которая рассматривает Библию как обычное литературное произведение. Начало этой науке положил